„Пров 38“

225605

Пѣсни жизни

Майская пѣсня рабочихъ.

Нашъ праздникъ рабочій пришли мы справлять;—
Да здравствуетъ первое мая!
Товарищи, станемъ борьбу прославлять,
Къ свободѣ народъ призывая.

Мы долго терпѣли царевы кнуты,
Мы долго кормили всѣ праздные рты,—
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!...

Горячее солнце на землю глядитъ
И къ жизни зоветъ всю природу,
Огнемъ лучезарнымъ въ насъ пѣсня горитъ,
Та грозная пѣснь про свободу.

Мы долго терпѣли царевы кнуты,
Мы долго кормили всѣ праздные рты,—
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!...

Сегодня гуляетъ рабочій народъ,
Возставъ изъ-подъ ига неволи,
Людскихъ униженій и всякихъ невзгодъ,
Онъ въ счастіи требуетъ доли.

Мы долго терпѣли царевы кнуты,
Мы долго кормили всѣ праздные рты,—
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!...

---

*) Эти пѣсни и стихотворенія были раньше помѣщены въ журналѣ «Жизнь» и въ нѣкоторыхъ его изданіяхъ. *Прим. Издат.*

Во всѣхъ чужеземныхъ далекихъ краяхъ,
Гдѣ братъ подъ работою гнется,
Мильонами душъ и на всѣхъ языкахъ
Сегодня та пѣсня поется.

Мы долго терпѣли царевы кнуты,
Мы долго кормили всѣ праздные рты,—
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!...

Побѣду и счастье мы людямъ несемъ,
Мы всѣмъ завоюемъ свободу
И, кончивъ съ врагомъ, однимъ радостнымъ днемъ
Ее отдадимъ мы народу.

Мы долго терпѣли царевы кнуты,
Мы долго кормили всѣ праздные рты,—
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!...

За миръ, за свободу, за счастье людское,
За радости жизни, за братство святое
Мы дружно сомкнемся въ бою.
Ударимъ же пѣсню свою!

Мы долго терпѣли царевы кнуты,
Мы долго кормили всѣ праздные рты,—
Долой эту вражью породу!
Свободу народу, свободу!...

Пѣснь пролетаріевъ

(На мотивъ Марсельезы).

Мы марсельезы гимнъ старинный
На новый ладъ теперь споемъ—
И пусть трепещутъ властелины
Передъ проснувшимся врагомъ!

Демонстрація 4-го марта 1902 года.

Улица роскоши, блеска и моды,
Улица дикихъ безсмысленныхъ тратъ!
Звуки протеста и клики свободы
Въ ней полногласнымъ аккордомъ звучатъ.
Тамъ, гдѣ бывало летятъ экипажи
Наглыхъ кокотокъ, накрашенныхъ дамъ,
Тамъ, гдѣ такъ дразнятъ ихъ плечи, корсажи;
Тамъ, гдѣ услада всѣмъ дикимъ страстямъ; —
Тамъ, гдѣ таинственно спятъ въ отдаленьи
Мирный соборъ, величавый дворецъ, —
Разомъ слились въ молодомъ упоеньи
Тысячи гордыхъ свободныхъ сердецъ.
Всѣ они бьются единымъ желаньемъ,
Страстной надеждою зло превозмочь —
Это заря своимъ тихимъ сіяньемъ
Робко трепещетъ сквозь темную ночь:
Это заря долго жданной свободы,
Яркій прообразъ ликующихъ дней.
Камень упалъ, всколыхнулися воды,
Спящія воды отчизны моей.
Встань! Прогони эту дрему, отчизна!
Смѣло расправь молодецкую грудь!
Знай — это рабства послѣдняя тризна,
Больше тебѣ ни за что не уснуть!

---

* * *

Кончается царство постылой зимы,
Запахло веселой весной.
Заря загорѣлась подъ пологомъ тьмы
Надъ русской великой страной.

Она расцвѣтаетъ багровымъ лучомъ,
Вздымаетъ огнистый вѣнецъ.
То ангелъ Свободы кровавымъ мечомъ
Намъ бурю сулитъ наконецъ.

Привѣтъ тебѣ, буря! Скорѣе лети!
Покрѣпче тряхни головой,
Высокія башни разрушь по пути
И лѣсъ размечи вѣковой!

Безбрежное море до дна всколыхни,
До самаго сердца взволнуй!
И факеловъ нашихъ живые огни
Огромнымъ пожаромъ раздуй!

Тебѣ мы готовимъ достойный пріемъ.
Ударь, пролетая въ набатъ!
Мы пѣсню свободы въ отвѣтъ запоемъ
И грома заглушимъ раскатъ.

Гони предъ собою развѣянный мракъ!
Мы выйдемъ на встрѣчу къ тебѣ
И красное знамя поднимемъ, какъ знакъ
Къ великой народной борьбѣ.

На немъ мы напишемъ: «Долой произволъ!
Не нужно позорныхъ оковъ!»
Нашъ кликъ боевой расшатаетъ престолъ,
Раздвинетъ ограду штыковъ.

Намъ выростетъ помощь на каждомъ шагу...
Разроемъ дорожный гранитъ
И каменнымъ градомъ отвѣтимъ врагу,
И крѣпость построимъ изъ плитъ.

Напрасно грозитъ намъ ничтожный тиранъ
Дождемъ рокового свинца...
Идемъ мы почетныхъ отыскивать ранъ,
На битву идемъ до конца!

Геръ.

---

* * *

Впередъ! За родину друзья, —
За право и свободу!
Въ борьбѣ со зломъ, сомнѣній нѣтъ,
Побѣда намъ — народу!

Мы долго въ мракѣ ночи шли,
Терпѣли всѣ мученья,
Но близокъ, близокъ день, друзья!—
Бьетъ часъ освобожденья.

Возстаньте родины сыны!
Къ оружью! За свободу!
И знайте — въ томъ сомнѣній нѣтъ —
Побѣда намъ народу!

За кровь всѣхъ тѣхъ, кто раньше палъ
Въ святой борьбѣ за право —
Мы отомстимъ! Взойдетъ заря
Подъ заревомъ кровавымъ!

Погибель царству зла и тьмы!
И образъ просвѣтленный
Сквозь дымъ сраженій видимъ мы
Россіи обновленной.

Впередъ! Зовемъ мы всѣхъ къ борьбѣ,
За счастье народа—
Да здравствуетъ Россія мать!
Да здравствуетъ свобода!

Студентка.

---

* * *

Свободы! Свободы! Насъ давятъ и гонятъ,
Насъ заживо въ тюрьмахъ печальныхъ хоронятъ,
Бросаютъ въ глухую тайгу...
Во тьму рудниковъ... Но отвсюду, отвсюду
Нашъ крикъ донесется къ гонимому люду:
Свободы! Отмщенье врагу!

Мы бросаемъ домъ родной,
Мы идемъ къ тебѣ, гонимый,
Обездоленный народъ.
Счастье личное позорно,
Тамъ, гдѣ зло царитъ упорно,
Гдѣ насиліе гнететъ.

Сколько разъ, не различая
Въ насъ друзей родного края
И своихъ друзей, во тьмѣ
Ты боялся дать намъ руку —
Но за наши боль и муку
Ты подашь ее въ тюрьмѣ!

Сердца наши сдѣлали мы наковальней —
Чѣмъ зло угнетало мрачнѣй и печальнѣй,
Тѣмъ молотъ сильнѣе стучалъ.
Мы огненный мечъ неотступно ковали,
Чтобъ онъ, какъ Архангелъ, въ сіяньи печали,
Насилье и злобу прогналъ.
И кровь наша въ искры огня превращалась, —
Чтобъ только скорѣе желѣзо ковалось...
И искры летѣли кругомъ...
За дѣло святое не надо награды, —
Но если отъ искръ загораются взгляды,
Пусть кровь наша брызжетъ огнемъ!

Время настанетъ,
Солнце проглянетъ —
Край нашъ воскресшій
Добромъ насъ вспомянетъ...

А. Болконскій.

---

* * *

Среди сухихъ. бездушныхъ формалистовъ,
Среди жрецовъ насилія и тьмы,
Средь канцелярщины ученыхъ эгоистовъ
Живемъ мы, пылкіе и юные умы...

Другъ друга мы понять никакъ не можемъ
Жалѣть ли намъ объ этомъ. господа?
Нашъ путь иной; намъ говорятъ: «онъ ложенъ».
Нѣтъ, никогда, нѣтъ, никогда!

Расправа.

Посвящается памяти Лекерта.

Раздался зычный голосъ: «сѣчь!»—
И палачи взялись за дѣло.
Тяжелый бичъ, какъ острый мечъ,
Вонзался въ трепетное тѣло,
Впивался тонкою змѣей,
Язвилъ и жегъ, не уставая,
И брызгалъ кровью надъ толпой,
На части тѣло разрывая...
А тотъ, кто въ ярости каралъ,
За колебанье царской власти,
Какъ звѣрь, метался, и стоналъ
И задыхался, и рычалъ
Отъ упоенія и страсти:
«Бей, не щади! Для этихъ псовъ
«Какая можетъ быть пощада!
«Пусть подъ ударами кнутовъ
«Они узнаютъ муки ада!
«Пусть каждый врагъ, какъ низкій рабъ,
«Какъ встарь безпомощенъ и слабъ,
«Опять склонится предо мною:
«Я буду властвовать надъ нимъ,
«Я упиваться буду имъ,
«Его стыдомъ, его мольбою!»
Но «рабъ» склоняться не хотѣлъ,—
И продолжалось поруганье...
О, кто бы выразить съумѣлъ
Весь этотъ ужасъ голыхъ тѣлъ,
Всю эту злобу истязанья!
Какой бы нуженъ былъ языкъ,
Что-бъ воплотить въ живые звуки
Всю эту боль, и стонъ, и крикъ,
Весь этотъ адъ душевной муки!
Глумясь надъ стонами людей
И тѣшась дикою забавой,
Сатрапъ со свитою своей

А ночью... бережно... во тьмѣ
Его на кладбище свезли,
Сказавъ, что мертваго нашли,
Что онъ повѣсился въ тюрьмѣ...

Туда бросается старикъ.
«Пустите!» — молитъ онъ съ тоской:
«Здѣсь сынъ мой, Яковъ дорогой!»
Но сторожъ мраченъ и суровъ
И гонитъ прочь безъ дальнихъ словъ.
«Ступай назадъ!» — онъ говоритъ, —
«Здѣсь только мертвымъ входъ открытъ!»

— «Ступай!» — твердитъ за нимъ старикъ,
Не понимая ничего.
И вдругъ безумный, страшный крикъ
Изъ сердца вырвался его.
А вслѣдъ за нимъ раздался смѣхъ,
Потомъ рыданіе... А потомъ
Безумный спрашивалъ у всѣхъ
О бѣдномъ Яковѣ своемъ...
Вездѣ, кого бы не встрѣчалъ
Тоской измученный старикъ,
Съ тревогой тайною шепталъ,
Твердилъ одно его языкъ.
Глубокой грустью у него
Всегда горѣлъ безумный взоръ:
«Здѣсь нѣтъ ли сына моего?»
Онъ всюду спрашивалъ съ тѣхъ поръ.

Изъ пѣсенъ Бутырцевъ.

(19 февраля 1902 года.

Мы не борцы. Мы только тѣнь борцовъ,
Упавшая отъ солнца за горами;
Мы лишь гонцы грядущихъ въ міръ творцовъ,
Богатыхъ мыслію и знаньемъ, и дарами;

Мы только ласточки, оставившія югъ,
Чтобъ возвѣстить природы обновленье,
Мы только вѣсть несемъ, что кончился недугъ
И что врачи сулятъ больной выздоровленье.
Быть можетъ сгубитъ насъ морозъ февральскихъ дней,
Но онъ законъ временъ текущихъ не измѣнитъ,
И жалкій блескъ искусственныхъ огней
Сіяніе весны тепломъ своимъ замѣнитъ.

Изъ стихотвореній петербургскихъ рабочихъ

I

Братьямъ.

Вы — забитые, болящіе,
Вы — во тьмѣ и злѣ живущіе,
Вы — о счастіи молящіе,
И его напрасно ждущіе,
Бросьте ваши ожиданія!
Прочь скорѣй оцѣпененіе!
Не прійдетъ конецъ страданія,
Коли нѣтъ конца терпѣнію!

Мастеровой.

II

По выходѣ изъ тюрьмы.

Тяжко мнѣ... но не хочу я
Съ злой судьбой моей мириться.
Я одинъ... Но не могу я
Съ силой темною не биться.
Я погибну... ну такъ что-же?
Коль мое погибнетъ тѣло.

Будетъ духъ мой такъ же биться
Все за то-жъ святое дѣло!
Я желалъ бы сонъ нарушить,
Сытыхъ счастіе разрушить,
Мракъ развѣять, разогнать!
Всѣмъ униженнымъ, скорбящимъ,
Всѣмъ о счастіи молящимъ
Я желалъ бы счастье дать!
Я желалъ бы это счастье
Съ бою взять народной властью!
Слабыхъ духомъ поддержать,
Унижающихъ унизить,
Обижающихъ обидѣть,
Въ мертвыхъ снова жизнь вдохнуть!
Весь вашъ міръ возненавидѣть!
Весь вашъ строй перевернуть!

Слесарь.

---

* * *

Какъ несчастны, какъ жалки они,
Безотвѣтно влачащіе дни!
О, природа, великая мать,
Научи ихъ, презрѣнныхъ, желать...
Бездна звѣздная степи родной!
Ты идею въ ихъ душу вложи...
Волга-матушка, синей волной
Ты къ свободѣ имъ путь укажи...
Вихрь могучій, вихрь русскій, степной,
Ты про волю имъ пѣсню пропой.
Молчаливый утесъ-великанъ,
Разскажи имъ, что думалъ Степанъ!

---

*
* *

(Посвящается Л. Н. Толстому.)

Я слышу звукъ его рѣчей:
Среди всеобщаго смятенья
Великій старецъ нашихъ дней
Зоветъ на путь непротивленья.
«Зачѣмъ насилье надъ врагомъ,
«Побѣда, купленная кровью?
«Не лучше-ль намъ въ борьбѣ со зломъ
«На зло — откликнуться добромъ,
«На ненависть — любовью?
«Пусть страшенъ врагъ, пусть дологъ путь.
«Но вѣрю я: настанетъ время —
«И расцвѣтетъ когда нибудь
«Любовью брошенное сѣмя!»
Простыя, ясныя слова,
И кто проникся ихъ лучами
Какъ бы коснулся божества
И говоритъ его устами.
Предъ этой ясной простотой
И я склонялъ свои колѣни, —
Но предо мной встаютъ толпой
Другіе образы и тѣни:
Тамъ, гдѣ предъ грознымъ палачемъ
Народъ смиренно спину клонитъ,
И подъ ярмомъ, и подъ бичемъ
Безсильно падаетъ и стонетъ,
Тамъ, гдѣ страданьямъ нѣтъ числа,
Гдѣ попираются отъ вѣка
Пятой ликующаго зла
Права и чувства человѣка.
Гдѣ мысль униженно молчитъ,
Сложивъ безпомощныя крылья,
И духъ возстанія убитъ
Отравой рабскаго безсилья, —
Тамъ, нѣтъ? не проповѣдь любви,
Тамъ нуженъ мощный кличъ возстанья,

Чтобы зажечь въ людской крови
Святой огонь негодованья,
Тамъ нужно ненависть борца
Вдохнуть въ застывшія сердца,
Давно привыкшія къ смиренью,
И въ часъ возмездья роковой
Забить въ набатъ — и звать на бой
Къ освобожденью!...

Данинъ.

---

* * *

Богатство мое, дорогая свобода!
Кому-бы, кому я тебя отдала?
Тебя, для которой меня создала
Великая сила — природа?...

Не старой-ли, лживой, наскучившей сказкѣ —
Минутнымъ желаньямъ, капризу любви —
Связать я позволила-бъ крылья твои
Концами мишурной повязки?

За пышную нѣгу и роскошь теплицы
Отдамъ-ли тебя, мой просторъ голубой?
И цѣпью себя прикую-ль золотой
Къ тріумфу чужой колесницы?

Есть только одно, дорогая свобода,
Чему бы я въ жертву тебя принесла,
Кому бы безъ слезъ я тебя отдала...
То счастье родного народа!...

Л. Шустова.

Мертвые живымъ.

(Изъ Фрейлиграта).

Съ свинцовой пулею въ груди, съ челомъ, штыкомъ прон-
[зеннымъ.
На окровавленныхъ доскахъ, высоко, съ дикимъ стономъ
Вы насъ приподняли, крича, чтобъ наши муки были
Проклятьемъ гибельнымъ тому, кто насъ привелъ къ мо-
[гилѣ,
Чтобъ, раскрывъ библію, прильнувъ къ шампанскому без-
[печно.
Онъ и во снѣ и на яву не забывалъ ихъ вѣчно,
Чтобъ какъ позорное клеймо онѣ сжигали душу,
Чтобъ скрыться онъ не могъ отъ нихъ на море и на сушу!
Чтобъ искривленныя уста отъ боли, чтобы раны
До гроба мучили вездѣ бездушнаго тирана.
Чтобъ каждый вопль, звучащій вкругъ, его терзалъ уко-
[ромъ,
Когда онъ будетъ умирать, задавленный позоромъ.
Чтобъ былъ простертъ въ послѣдній часъ къ нему кулакъ
[въ размахѣ,
Умретъ ли дома онъ, какъ всѣ, погибнетъ ли на плахѣ!
Такъ было. Съ пулею въ груди, съ челомъ, штыкомъ прон-
[зеннымъ.
Вы вознесли насъ на доскахъ кровавыхъ предъ балкономъ.
«Сюда! Къ землѣ!»—И поблѣднѣвъ, онъ подошелъ пре-
[зрѣнный
«Снять шляпу!»—Снялъ, склонившись весь... (Такъ палъ
[до манекена
Тотъ, кто былъ самъ комедіантъ). Подавленный въ печали,
Стоялъ онъ такъ, когда войска тотъ городъ покидали,
Который взяли смертью мы. Къ чему читать уныло—
«Мое прибѣжище—Христосъ?!» Желѣзо крѣпче-бъ было!
Смѣнило утро ночь, когда насъ убивала злоба,—
И вы съ тріумфомъ понесли насъ къ черной двери гроба.
А мы? Хоть черепъ былъ у насъ разбитъ, простреленъ
[пулей,
Съ побѣдой гордой на челѣ, мы радостно вздохнули:

Цѣна, положимъ, высока, но и товаръ безцѣнный.
И мы лежали на доскахъ съ улыбкою блаженной.
Четыре мѣсяца прошло. Насъ обманули лживо.
О горе! Что досталось намъ, все отдано трусливо.
Вы уступили все, что мы, погибнувъ, взяли съ бою...
Какъ духи, слышали мы все, придавлены землею:
Волнамъ подобно, доходилъ до насъ весь шумъ и споры,
И Польши сумрачный позоръ и съ Даніей раздоры,
Рабовъ неистовство въ глухихъ провинціяхъ Вандеи,
И возвращенье нашихъ войскъ и принца... О! злодѣи!
Глумленье всюду и позоръ и въ Майнцѣ и въ Трирѣ,
И вѣроломство и грабежъ, грабежъ, подлѣйшій въ мірѣ!
Они стремились оплевать кресты могилъ суровыхъ.
Нѣтъ баррикадъ,—и вотъ, опять и рѣчь и скорбь въ око-
[вахъ.
Все больше сдавлены, молчатъ собранія въ испугѣ,
Все чаще скрипъ дверей тюрьмы на сѣверѣ и югѣ...
Союзъ позорный заключенъ съ казаками изъ степи
Тѣхъ, кто боролся за народъ, ждутъ тягостныя цѣпи.
Вамъ приговоръ произнесенъ, вамъ, доблестнымъ героямъ,
Вамъ, увлеченнымъ дальше всѣхъ святымъ юношескимъ
[боемъ.
Парижа павшіе борцы!...
Затѣмъ измѣна встала.

Здѣсь и на Майнѣ низкихъ душъ подкуплено немало.
Народъ! А все-же міръ въ твоемъ плащѣ изъ кожи черной.
Скажи—о, нѣтъ-ли въ немъ войны послѣдней и упорной?
Пусть крикъ: «Свобода!» разнесутъ колокола, рыдая...
Колокола, что въ эти дни звучатъ, не умолкая.
Напрасно все. Зачѣмъ вы насъ не вырыли изъ праха!
На окровавленныхъ доскахъ не подняли съ размаха,
Не для того, чтобъ показать тому, чей рокъ свершился,
А чтобъ пройти по всей странѣ, чтобъ каждый возмутился
Пойти на площадь, на базаръ и въ лагерь и повсюду.
Пусть рядомъ станетъ инсургентъ, средь насъ, дивяся
[чуду —
О, страшный видъ! Полуистлѣвъ въ землѣ и цѣпкихъ
[травахъ.

Мы тамъ лежали-бъ, короли, среди самыхъ величавыхъ.
И говорили-бъ мы: Позоръ! Вѣдь мы еще не сгнили,
А ужъ свободу снова вы холопствомъ задушили!
Уже осыпалось зерно, которое всходило,
Когда мы въ Мартѣ гибли... Ахъ, насилье погубило
Всѣхъ раньше—мартовскій посѣвъ! Снопы свободы сжали.
Лишь мака рѣдкіе цвѣтки кой-гдѣ, какъ кровь, сверкали.
О, еслибъ злоба, хоть она, кровавая, осталась!
Когда все отнято,—пускай она бы разгоралась,
Утѣха въ горестяхъ... Вѣдь вы теряли слишкомъ много.
Позоръ... Глумленье. Все васъ жгло, какъ мрачная тревога.
Но злоба... О, повѣрьте намъ, намъ мертвецамъ,—пылаетъ.
Она одна осталась вамъ. Она васъ согрѣваетъ
И вспыхнетъ вскорѣ! Да, она, какъ пламя, вспыхнетъ [вскорѣ,
Ударитъ часъ... тогда ему, властительному, горе.
Подъята мстительно рука и кудри вѣтромъ смяты.
Великолѣпна и дика, одна средь васъ, солдаты,
На баррикадахъ красный флагъ она воздвигнетъ смѣло,
И впереди всѣхъ войскъ идетъ на пламенное дѣло—
И троны рушатся во прахъ и всѣ цари трепещутъ...
Орлы и львы летятъ впередъ... Ихъ зубы, когти блещутъ...
Народъ самодержавный самъ грядущее готовитъ.
Но прежде чѣмъ ударитъ часъ, пусть наша злоба ловитъ
Всѣ робкія сердца. Вы медлили позорно—
Возстаньте дружно, наконецъ, сурово и упорно,
Чтобъ та земля, гдѣ мы лежимъ, свободной снова стала,
Чтобъ насъ, истлѣвшихъ и нѣмыхъ, досада не терзала!
— Свободу мы имъ дали, но въ бою погибли сами—
Они-жъ рабы и суждено остаться имъ рабами!

Издали.

(Сказки и пѣсни уединеннаго пошехонца).

Всякій разъ, уѣзжая за дальній рубежъ,
Покидая столичную плѣсень,
Я и молодъ опять, и отваженъ, и свѣжъ,
Жажду вольнаго смѣха и пѣсенъ.

Вотъ—послѣдній жандармъ: подозрительный взглядъ;
Вотъ—чиновники, будто прокисли!
Ахъ друзья! Вѣдь я весь динамитный зарядъ
И везу—запрещенныя мысли!
Что въ мозгу у меня нецензурныхъ идей,
Отъ которыхъ линяютъ короны!
Сколько радостныхъ грезъ, сколько яркихъ огней,
Сожигающихъ царскіе троны!
Паспортъ мой на лицо! Дѣлать нечего вамъ,
А сейчасъ я преступной мечтою
Шахъ и матъ задаю палачамъ-королямъ
И мету ихъ поганой метлою.
Воровской синдикатъ Высочайшихъ орлятъ,
Августѣйшихъ тюремщиковъ своры,—
У меня на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ,
Я надъ ними вершу приговоры.
Невмѣняемый нашъ колонель Николай,—
«Божью милость» принявъ въ уваженье,
За твою простоту (вотъ ужъ именно въ рай!)
Я дарую тебѣ снисхожденье.
Ты безволенъ душой, головой недвижимъ—
На соблазнъ православному люду,
Ты мамашей забитъ и женой одержимъ—
Ну за что я судить тебя буду?
Дамъ Филиппа тебѣ въ провожатые я,—
И Мещерскаго князя для флёрту,
Маршъ—къ Пайару въ Парижъ, иль въ другіе края,—
Куда хочешь, мой милый, хоть къ чорту!
Лишь подальше отъ насъ. Въ Петербургъ ни ногой,
Чтобъ забывъ свой пріемъ джентельменскій,
Я на общій скандалъ не свершилъ-бы съ тобой
Тоже что съ мужикомъ Оболенскій.
Представляю себѣ этотъ Дантовскій кругъ:
Въ воровствѣ и отважны и быстры,
Какъ чижа, я накрою васъ шапкою вдругъ
Безпардонные наши министры.
На почетное лобное мѣсто впередъ
Ты—предатель, спокойный во гнѣвѣ,
Перекрестъ, либералъ, засѣкавшій народъ.

Вячеславъ Константиновичъ Плеве.
Видишь тѣни героевъ, казненныхъ тобой,
Слышишь вопли забитаго брата?
Ты всему измѣнилъ, чему вѣрилъ душой,
Предалъ все, чему клялся когда-то!
Сергѣй Юльевичъ Витте—Кречинскій у насъ,
Государственный воръ для картины.
Ты въ царевомъ вѣнцѣ самый цѣнный алмазъ,
По тебѣ ахъ какъ плачутъ осины!
Вѣдь предавшій за тридцать рублишекъ Христа
Былъ Іуда—дуракъ безъ кокарды!
Ариѳметика нынѣ у Витте не та,
За Россію ты взялъ милліарды.
Залѣзалъ ты во всякій дырявый карманъ,
Ты за пазухой шарилъ народной,
При тебѣ міроѣдъ толстъ и веселъ, и пьянъ,
Мретъ за то мужиченко голодный!
Много глотокъ крикливыхъ заткнуть ты умѣлъ
И, какъ Чичиковъ, души скупая,
Ты, какъ шуллеръ, всегда былъ находчивъ и смѣлъ,
Ванька Каинъ родимаго края.
Фридерикса усы—я замѣтилъ давно,
Намъ съ тобой разбираться не надо:
Стань подъ модный парикъ куаферу въ окно.
Манекенъ ты изъ перваго ряда.
Ты Хилковъ, кочегаромъ въ Америкѣ былъ
И министромъ содѣянъ за это,
Какъ бульдогу тебѣ Витте хвостъ отрубилъ:
Для собаки дурная примѣта!
Министерство твое стало куцымъ затѣмъ,
Денегъ жиже и менѣе спѣси...
Остальные сатрапы—да ну ихъ совсѣмъ
Имена ихъ ты Господи вѣси!
Сколько васъ на скамьѣ подсудимыхъ сидитъ
И въ отдѣльности каждаго вора.
Пока поѣздъ мой мчится, дымитъ и гудитъ,
Я сужу справедливо и скоро.
Какъ родная, безъ васъ измѣнилась страна,
Ночь прошла, и зарей для народа

Поднялась къ небесамъ и красна, и пышна
Вѣчевая, святая свобода!
Чу, гудитъ на Москвѣ нашъ Иванъ-великанъ:
— Просыпайтеся вольные люди!
И ему ото всѣхъ, отъ безчисленныхъ странъ
И отвѣтъ, и привѣтъ: здравствуй братъ нашъ Иванъ,
Земскимъ вѣчемъ отнынѣ намъ буди!
На всю Русь, на весь міръ пусть твой мѣдный языкъ
И гремитъ и вѣщаетъ народу —
Чтобъ на бой съ старымъ зломъ подымался мужикъ,
Чтобъ опять не проспалъ онъ свободу.
Эй, Иванъ-Великанъ, пусть твой радостный кличъ,
Словно счастья гонецъ и предтеча,
Въ позабытую глушь, въ вѣковѣчную дичь
Пролетаетъ отъ вѣча до вѣча,
Отъ студеныхъ морей въ дивно солнечный край,
Отъ пустынь ледяныхъ въ заповѣдные боры: —
«Просыпайся боецъ, — смѣло цѣпи ломай,
И крушп, словно молоть, — затворы!»

Южный.

---

* * *

Не жди, чтобы цвѣла страна
Гдѣ царство власти,—не разсудка,
Гдѣ все зависитъ лишь отъ сна
И несваренія желудка:
Гдѣ много есть доходныхъ мѣстъ
Для угнетенья и позора;
Гдѣ вѣшаютъ на вора крестъ
И къ власти допускаютъ вора:
Гдѣ нѣтъ управы для людей,
Гдѣ мысль ихъ гонитъ изувѣрство,
Но гдѣ за то для лошадей
Особое есть министерство.
Гдѣ съ дѣтства учатъ фронтовой —
Изъ школъ подѣлали казармы,

ОГЛАВЛЕНІЕ

1) Майская пѣсня рабочихъ 3
2) Пѣснь пролетаріевъ 4
3) Интернаціоналъ. 6
4) Демонстрація, стих. Рядового 8
5) Демонстрація 4-го марта 1902 года 9
6) Кончается царство постылой зимы, стих. Гера . 9
7) Впередъ! За родину друзья..., стих. Студентки 10
8) Свободы! Свободы! Насъ давятъ и гонятъ..., стих. А. Болконскаго. 11
9) Среди сухихъ, бездушныхъ формалистовъ..., стих. Студента 12
10) Памяти С. В. Балмашова. 13
11) Расправа (памяти Г. Леккерта), стих. Нжд. . . 14
12) Утрата 17
13) Изъ пѣсенъ Бутырцевъ. 19
14) Братьямъ..., стих. Мастерового. 20
15) По выходѣ изъ тюрьмы, стих. Слесаря. . . . 20
16) Какъ несчастны, какъ жалки они. 21
17) Я слышу звукъ его рѣчей..., стих. Данина . . 22
18) Богатство мое, дорогая свобода!..., стих. Л. Шустовой. 23
19) Мертвые живымъ (изъ Фрейлиграта). 24
20) Издали, стих. Южнаго 26
21) Не жди, чтобы цвѣла страна. 29